

А.В. Ямпольская (Москва, Россия)

Поэзия Умберто Сабы в освещении Пьера Паоло Пазолини

Аннотация: В статье рассматриваются литературоведческие и публицистические работы Пьера Паоло Пазолини, в которых идет речь о творчестве поэта Умберто Сабы. Пазолини подчеркивает принадлежность Сабы к литературной традиции Триеста, анализирует тематику и поэтику его произведений, специфику поэтического языка, определяет его место в истории итальянской литературы. В свое время Пазолини сыграл значительную роль в том, чтобы творчество Сабы получило справедливую оценку. Вместе с тем работы о Сабе доказывают, что Пазолини был не только крупным поэтом, писателем и режиссером, но и талантливым филологом и литературным критиком.

Ключевые слова: Пьер Паоло Пазолини, Умберто Саба, итальянская поэзия, литература Триеста

A.V. Yampolskaya (Moscow, Russia)

The Poetry of Umberto Saba Interpreted by Pier Paolo Pasolini

Abstract: This paper examines articles and essays in which Pier Paolo Pasolini talks about Umberto Saba. Pasolini emphasizes that Saba belongs to the literary tradition of Trieste, analyses his themes and his poetics, his specific poetical language, indicates the place of Saba in Italian literature. Pasolini played a significant role in ensuring that Saba's work received a fair evaluation. At the same time Pasolini's texts about Saba prove that he was not only a great writer, poet and film director, but also a talented philologist and literary critic.

Key words: Pier Paolo Pasolini, Umberto Saba, Italian poetry, literature of Trieste

Пьер Паоло Пазолини хорошо известен в России – прежде всего, как кинорежиссер, а также как поэт и прозаик. Однако в отличие от итальянцев мы почти не знакомы с его работами, относящимися к публицистике, литературной и художественной критике. Чтобы оценить масштаб личности Пазолини, достаточно взглянуть на полное собрание сочинений, которое в последние годы выпустило издательство «Мондадори»: наряду с двухтомником романов и рассказов, отдельными томами, в которых собраны его стихи, работы о кино и театре, статьи о политике и обществе, целых два тома общим объемом свыше 3000 страниц занимают работы о литературе и искусстве [Pasolini 2008; Ямпольская 2022]. К ним

относятся газетные и журнальные статьи, предисловия, книжные рецензии, интервью, а также филологические исследования (например, работы об итальянском языке и литературе). По мнению автора предисловия Чезаре Сегре, сделанное Пазолини в области филологии и литературной критики ставит его в один ряд с такими признанными авторитетами, как Лео Шпитцер и Джанфранко Контини [Segre 2008]. Со временем подход Пазолини к литературе менялся, становясь все более идеологизированным, тем не менее он живо реагировал на происходящее, в том числе применял к анализу литературных произведений новые методы – от психоаналитического подхода до структурализма и семиотики.

Хотя творчеству Умберто Сабы целиком посвящена только одна статья («Саба: к его семидесятилетию» [Пазолини 2022]), имя поэта возникает в произведениях Пазолини-критика достаточно часто, причем с самых ранних работ. Из этих упоминаний понятно, что Саба не был его любимым поэтом (любимый поэт Пазолини – Джованни Пасколи, которому посвящен его диплом), однако Пазолини хорошо знал творчество Сабы: и стихи, и прозу, и тексты, в которых Саба комментирует собственное творчество. Чаще всего имя Сабы возникает в рассуждениях о диалектной поэзии – одной из важнейших тем для Пазолини. Например, в статье, которая так и называется «О диалектной поэзии» («Sulla poesia dialettale», 1947 [Pasolini 2008: 244–264]), Пазолини сравнивает итальянскую поэзию на литературном итальянском языке и на диалекте, подчеркивая связь последней с романтизмом и указывая на взаимопроникновение литературного языка и диалекта у Пасколи. На его взгляд, Пасколи, обогативший язык итальянской поэзии, значительно расширивший ее словарь, добился гармоничного сочетания литературных и диалектных компонентов. Саба, хотя он и не писал на диалекте, в полной мере унаследовал дух поэзии Пасколи: он тоже экспериментирует в рамках традиции, его новаторство не бросается в глаза, но оказывается куда более радикальным, чем, к примеру, нововведения герметиков (схожие взгляды Пазолини излагает в статье «Диалектные поэты» («I dialettali», 1952 [Pasolini 2008: 403–408]). Обращаясь к родному городу Сабы Триесту, Пазолини приводит Сабу в качестве образца высокой поэзии на литературном языке и сравнивает его с поэтом Вирджилио Джотти, который сочинял стихи на триестинском.

В статье «На границах Вавилона» («Ai margini di Babilonia», 1951 [Pasolini 2008: 386–388]) Пазолини подхватывает это сравнение, утверждая, что Джотти стал «идеальным дополнением и в некотором смысле очищением Сабы» (слово «очищение» («purificazione») отсылает к представлению Пазолини о том, что поэзия на диалекте по чистоте, подлинности, непосредственности превосходит поэзию на литературном языке). Эта мысль получит свое развитие в одной из фундаментальных филологических работ Пазолини – обзорной статье «Диалектная поэзия XX века» («Poesia dialettale del Novecento», 1952 [Pasolini 2008: 713–857]; см. раздел, посвященный Северу Италии), которая сопровождает антологию поэзии на диалекте, вышедшую в 1952 г. в издательстве «Гуанда». Пазолини подробно останавливается на литературе Триеста, рассуждает о творчестве Сабы, Джотти, Зевево, Златапера, Ступарича, Гамбини и других авторов. С одной стороны, он подчеркивает неитальянскость Триеста, его принадлежность миттельевропейской традиции, которая смешивается здесь с итальянской традицией, давая удивительные результаты. С другой стороны, Пазолини отмечает: «От прозаического Триеста, о котором рассказано безо всякой лирики, <...> до Триеста, воспетого в строгой поэтической форме. Мы попадаем в сферу, где властвует психологизм

Звево, прилагаемый к обществу и городу, которые никак не эстетизируются, к среде, которая описана нервно, авторы не поддаются желанию добавить ярких красок, стилистических украшений в духе *prosa d'arte* и т. д.». [Pasolini 2008: 834] В этой связи Пазолини указывает на такую особенность поэтики Сабы, как связь с поэзией сумеречников, которые рисовали серый будничный мир, добываясь редкой психологичности, в том числе описывая кризисные психологические состояния [Pasolini 2008: 835].

Впрочем, Пазолини не ограничивается наблюдениями о поэзии Сабы, касающимися местных языковых особенностей. Как сказано выше, он подчеркивает его близость поэзии Пасколи; например, это проявляется в автобиографичности. Так, в статье «Пасколи» («Pascoli», 1955 [Pasolini 2008: 997–1006]) Пазолини рассуждает об «автобиографической, резкой откровенности Сабы, которая маскируется под непосредственность» [Pasolini 2008: 1001]. С Пасколи Сабу сближает и обращение к стихии устной речи (он называет Сабу «*parlatissimo*»), и в целом нерелигиозный характер его творчества («*laicità*»).

Наконец, достаточно неожиданно для сегодняшнего читателя, в статье «Из лаборатории» («*Dal laboratorio*», 1965 [Pasolini 2008: 1307–1342]) Пазолини проводит аналогию между языком итальянских марксистов и стилем Сабы – человека далекого от политики. Так, Пазолини отмечает некоторую патетичность, эмоциональную насыщенность речи, что тем не менее не приводит к затемнению смысла, причем элементы торжественного, высокого стиля не используются. В этой же статье он делится любопытными наблюдениями о манере чтения Сабы: «Саба прекрасно читал свои стихи <...>, стыдливая и одновременно беззастенчивая патетичность, с которой он произносил слова, доверенные таинственному средству метрического движения, его одиннадцатисложникам, позволяли добиваться поразительной театральности» [Pasolini 2008: 1313]. У Сабы было триестинское произношение, смешное для жителей других регионов, одновременно его отличали особая мелодичность, особое движение произносимой фразы. Интересно, что Пазолини сравнивает эту манеру чтения с тем, как читал свои стихи Евгений Евтушенко, он также подчеркивает, что подобная манера выгодно отличается от актерского чтения.

Главная работа Пазолини, целиком посвященная триестинскому поэту, – статья «Саба: к его семидесятилетию» [Пазолини 2022]. В ней он создает убедительный и запоминающийся портрет одного из лучших итальянских поэтов XX в. Начинает Пазолини с парадоксального утверждения, что Саба – «сложнейший из современных поэтов» [Пазолини 2022: 120]. В очередной раз подчеркивая его принадлежность литературе Триеста – «маргинальной, но отнюдь не отсталой» [Пазолини 2022: 120], Пазолини опровергает миф о простоте и наивности поэзии Сабы, противопоставляя ее нарочито темной и непроницаемой поэзии герметиков; на первый взгляд могло показаться, что на их фоне Саба проигрывал, к тому же, борясь за внимание читателей и критиков, многие поэты-герметики нарочно принижали значение Сабы. Пазолини настаивает на том, что легкость поэзии Сабы – кажущаяся, его якобы незамысловатые и непосредственные стихи, простенький разговорный синтаксис, школярские метрические решения на самом деле отражают процесс глубокой переработки как содержания, так и поэтической формы: «у Сабы нет ни единого слова, самого обычного вроде знаменитой рифмы *cuore / amore*, которое он не взорвал изнутри или не изменил, отойдя от привычного значения, лишив привычной семантической окраски» [Пазолини 2022: 121].

При этом, например в отличие от Джузеппе Унгаретти, у Сабы этот процесс едва заметен, неоднозначен, его трудно уловить – проще объяснить его психологическими особенностями, чем индивидуальной литературной техникой.

Подчеркнув сложность поэзии Сабы, Пазолини объясняет, что ее глубинные причины кроются в психологической сложности, поскольку, по его мнению, в поэзии психология и литературная техника неразделимы. Чувства Сабы «запутанные, неоднозначные, рожденные внутренним пафосом, который почти не выразить словами; при этом их не назовешь высокими, напротив, они принадлежат убогой повседневности; что же до глубины этих чувств, ее обеспечивает сила переживаний» [Пазолини 2022: 121]. Поэтому поэзия Сабы настолько трудна для восприятия: она вызывает у читателя любовь и одновременно растерянность, а порой даже ненависть. Чтобы понять ее, утверждает Пазолини, нужно было пережить и Первую мировую войну, и послевоенные годы, «пережить» все модные поэтики, герметизм и неореализм. Только знакомый со всем этим читатель способен по достоинству оценить кажущуюся простоту и безыскусность поэзии Сабы.

Вместе с тем Пазолини задается вопросом, можно ли назвать Сабу реалистом. Он сравнивает его с поэтами-сумеречниками, с авторами журнала «Воце», с Эудженио Монтале и в итоге предлагает определение «сентиментальный реалист»: эта формула объясняет нормальность чувств, «в которых на первый взгляд нет ничего исключительного или априори поэтического; неприметность чувств объясняет неприметность слов, которые их выражают, а их смутность делает слова затертыми, усталыми и в то же время неожиданно новыми» [Пазолини 2022: 123].

Порой уловить мысль Пазолини не очень легко. Из приведенных цитат ясно, что для него не характерен линейный, строго логический ход рассуждения, его мысль причудливо ветвится (например, он проводит подробное сравнение Сабы и других итальянских поэтов той эпохи и параллельно развивает мысль о влиянии Фрейда на его творчество). Нередко Пазолини вновь и вновь возвращается к одному и тому же утверждению, подкрепляя его новыми аргументами, как критик он находит емкие и необычные определения. Пазолини, безусловно, обладал энциклопедическими знаниями, но в то же время он был человеком страстным, увлекающимся. Его рассуждения отличаются парадоксальностью и некоторой провокационностью, за которой стоит желание свергнуть общепризнанные авторитеты, не принимать ничего на веру, все продумывать самому.

В статье к семидесятилетию Сабы, как и в других работах Пазолини, подкупает не только умение проводить тонкий филологический анализ, Пазолини проявляет себя как поэт: он пишет о стихах так человек, наделенный поэтическим слухом и взглядом на мир. К примеру, он отмечает звуковую мощь поэзии Сабы, ее монотонность, которая ничуть не мешает восприятию. Пазолини подчеркивает: Саба – поэт, который постоянно «воссоздает себя таким, как прежде, с упорством и строгостью, которые граничат с одержимостью»; при этом «для Сабы сочинять стихи – больно, в них никогда не чувствуется того, что провансальцы называли *joù* – восторга, физического удовольствия, веселья» [Пазолини 2022: 123]. Порой кажется, будто Саба бесконечно повторяется, но благодаря повторам он «полностью исчерпал свою тему, то есть превратил свою сентиментальную жизнь в поэзию» [Пазолини 2022: 124].

Подводя итоги, Пазолини вновь возвращается к мысли, что Саба – трудный поэт, а еще он самый живой из итальянских поэтов. Драматичность, тревожность, пессимизм поэзии Сабы отражают наше современное отношение к миру, столь же

симптоматично неумение Сабы приспособливаться, нежелание следовать моде. Определив место Сабы среди его современников и в целом в итальянской литературе XX столетия, Пазолини завершает статью утверждением, что Саба обрел «неспокойное, но все же классическое величие» [Пазолини 2022: 125], причислив его, таким образом, к классикам и к великим поэтам.

Чтобы оценить значение статьи Пазолини «Саба: к его семидесятилетию» и других его заметок о триестинском поэте, напомним, что Сабе долго пришлось ждать признания. Первые положительные отклики прозвучали лишь после выхода в двадцатые годы его главной книги «Канцоньере», т. е. спустя десять лет после первых публикаций. Затем за Сабу начали вступаться такие авторитетные критики, как Пьетро Панкраци и Джамоко Дебенедетти, его поддержал Эудженио Монтале, но официальное признание пришло в 1946 г., когда Саба был удостоен Премии Виареджо. В последующие годы именно Пазолини немало способствовал признанию Сабы как крупного, общеитальянского, а не только местного, триестинского поэта. Вклад Пазолини подтверждается тем, что в наши дни выдержки из его работ публикуются в лицейских учебниках итальянской литературы, например «Leggere il mondo» [Luperini, Cataldi, Marchiani 1998]. Подчеркнем, что Пазолини прежде всего обращал внимание на те стороны творчества Сабы, которые были близки ему самому. В этом смысле его литературоведческие работы безусловно интересны и тем, кто интересуется поэзией Сабы, и тем, кто стремится понять личность и творчество самого Пазолини.

ЛИТЕРАТУРА

Luperini, Cataldi, Marchiani 1998 – *Luperini R., Cataldi P., Marchiani L.* La scrittura e l'interpretazione. Storia e antologia della letteratura italiana nel quadro della civiltà europea. Vol. 6. Tomo primo. Dall'Esmetismo al Postmoderno (dal 1925 ai giorni nostri). Palumbo: Palermo, 1998. 905 p.

Pasolini 2008 – *Pasolini P.P.* Saggi sulla letteratura e sull'arte. 2 vol. / A cura di Walter Siti e Silvia De Laude, con un saggio di Cesare Segre. Milano: Mondadori, 2008. CXX, 3210 p.

Segre 2008 – *Segre C.* Vitalità, passione, ideologia // *Pasolini P.P.* Saggi sulla letteratura e sull'arte. 2 vol. / A cura di Walter Siti e Silvia De Laude, con un saggio di Cesare Segre. Milano: Mondadori, 2008. P. XI–XLVI.

Пазолини 2002 – *Пазолини П.П.* Саба: к его семидесятилетию / Пер. А. Ямпольской // *Иностранная литература.* 2022. №4. С. 120–125.

Ямпольская 2022 – *Ямпольская А.* Пазолини знакомый и незнакомый // *Иностранная литература.* 2022. №4. С. 105–107.

REFERENCES

Luperini, Cataldi, Marchiani 1998 – *Luperini R., Cataldi P., Marchiani L.* La scrittura e l'interpretazione. Storia e antologia della letteratura italiana nel quadro della civiltà europea. Vol. 6. Tomo primo. Dall'Esmetismo al Postmoderno (dal 1925 ai giorni nostri). Palumbo. Palermo. 1998. 905 p.

Pasolini 2008 – *Pasolini P.P.* Saggi sulla letteratura e sull'arte. 2 vol. / A cura di Walter Siti e Silvia De Laude, con un saggio di Cesare Segre. Milano. Mondadori. 2008. CXX, 3210 p.

Pasolini 2002 – *Pasolini P.P.* Saba: per i suoi settant'anni / Translated in Russian by A. Yampolskaya. *Inostrannaya Literatura.* 2022. No 4, pp. 120–125.

Segre 2008 – Segre C. Vitalità, passione, ideologia. In: Pasolini P.P. Saggi sulla letteratura e sull'arte. 2 vol. / A cura di Walter Siti e Silvia De Laude, con un saggio di Cesare Segre. Milano. Mondadori. 2008, pp. XI–XLVI.

Yampolskaya 2022 – Yampolskaya A. Pasolini Known and Unkonwn. *Inostrannaya Literatura*. 2022. No 4, pp. 105–107.

Сведения об авторе:

Анна Владиславовна Ямпольская,
канд. филол. наук

доцент

Литературный институт имени
А.М. Горького

Anna V. Yampolskaya,
PhD (Lomonosov Moscow State University,
Università degli Studi di Firenze)

Associated Professor

A.M. Gorky Institute of Literature
and Creative Writing

khomkins@mail.ru